

УДК 37.016:811.111'271.2
ББК Ш143.21-9-553

ГСНТИ 14.35.01

Код ВАК 13.00.02

Широких Анна Юрьевна,

кандидат филологических наук, доцент, кафедра «Иностранные языки-4», Финансовый университет при Правительстве РФ, г. Москва; 125993, ГСП-3, г. Москва, пр. Ленинградский, д. 49; e-mail: ashirokih@mail.ru

СЛОЖНОСТИ ИНТЕРПРЕТАЦИИ В ИЗУЧЕНИИ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: интерпретация; когниция; тезаурус; косвенное высказывание; суппозиция; импликация; функции высказываний; перевод; метафора; полисемия; лакуны; контекстное употребление слова.

АННОТАЦИЯ. Анализируются функциональные и социокультурные компоненты интерпретации речевого сообщения в контексте учебной ситуации по обучению английскому языку. Интерпретационная деятельность студента рассматривается как когнитивный процесс, направленный на анализ языковых явлений, и средство построения тезауруса языка. Интерпретационная деятельность осуществляется путем раскрытия имплицитных свойств высказываний и смысловой составляющей текста. Выявление речевых элементов коммуникативного замысла является основой постсуппозиционного анализа в чтении и аудировании. Другим аспектом интерпретационной деятельности студента является перевод с иностранного на родной язык, что позволяет глубже проникнуть в суть исходного сообщения.

Shirokikh Anna Yurievna,

Candidate of Philology, Associate Professor of Foreign Languages Department-4, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow.

PROBLEMS OF INTERPRETATION IN LEARNING THE ENGLISH LANGUAGE

KEY WORDS: interpretation; cognition; thesaurus; indirect utterance; supposition; implication; functions of utterances; translation; metaphor; polysemy; lacunae; contextual usage of a word.

ABSTRACT. The article looks upon functional and cultural components in interpretation of a speech message in the context of English classroom. Interpretational activities are seen as a cognitive process designed to analyze language phenomena, as well as a means to build up language thesaurus. In the course of learning the English language interpretation activities are realized through explication of implicit meanings and meaningful components of a text and through elicitation of the author's communicative intention. This process of post suppositional analysis is applicable not only to reading and listening activities but also to translation tasks when students are required to comprehend the meaning before giving an equivalent.

По словам М. Я. Блоха, «...истинная мудрость человека ... состоит в том, чтобы за словами, являющимися названиями предметов и явлений и заглавными мыслями ... видеть сами предметы, явления и мысли о них, подлежащие познавательно-критической оценке» [1, с. 40]. Интерпретация как познавательно-критическая деятельность человека имеет несколько практически важных аспектов для обучения иностранному языку. Во-первых, интерпретация – это процесс анализа языковых явлений. Во-вторых, интерпретация – это когнитивный процесс познания действительности. В-третьих, интерпретация актуализирует процессы сознания и является средством построения тезауруса пользователя языка. В условиях глобализации успешность диалога культур играет все большую роль, т. к. соотношение культур народов и локальных цивилизаций «характеризуется не только единством, но и конкуренцией, а также несовместимостью определенных нравственно-мировоззренческих

ценностей» [2, с. 190]. Проблема «хаотизации сознания» [2, с. 190] в данных условиях разрешима лишь путем поиска «коэффициента понимания» [3, с. 56] в международной коммуникативной деятельности.

Освоение правил коммуникации, установленных для говорящего и слушающего культурой изучаемого языка – трудоемкий интерпретационный процесс.

Сложности, возникающие при обучении иностранному языку, представляют собой не только собственно языковые преграды, овладение правилами грамматики и достаточным лексическим запасом, но и напряженную интерпретационную деятельность, охватывающую такие аспекты коммуникации, как прагматика речевых актов, метафоричность речи и сопоставимость языков, выявляемую через неизбежный в изучении другого языка перевод.

Пресуппозиция, т. е. «фонд общих знаний говорящего и слушающего, необходимый для адекватного восприятия и понимания речи», используется для того, чтобы

раскрыть явление «подтекста» речевого сообщения [4, с. 4]. Постсуппозиция студентов, т. е. последующий анализ высказывания на основе фоновых знаний, может включать не только сведения исторического и культурного порядка, например, о ролевом статусе участников парламентской дискуссии [5] (Mr. Michael Jack (Con), где «Con» – Conservative Party), но и профессиональные знания, необходимые реципиенту для понимания сути дискуссии. Возможные информационные пробелы в фоновых знаниях исказят исходное сообщение. Например, в тексте парламентской дискуссии [5] один из оппонентов уточняет свой статус: *“I had better mention that I am a director of a plc, as stated in the Register of Members’ Financial Interests? And as I declared at the start of my speech on the Budget; but I do not think that that relates directly to the matters under consideration”*. Фоновая информация (a director of a plc) противоречит отрицанию личной заинтересованности в контексте данного высказывания.

В формате учебной работы мы часто сталкиваемся с высказываниями, интерпретация смысла которых представляет определенную сложность для студенческой аудитории. Один из сложных для адекватного толкования языковых элементов – это метафоричность языка. Смена фреймов в смысловом поле способна «деформировать дискурс» [6, с. 293–294] и вызвать «неравновесное состояние сознания у воспринимающего субъекта» [7, с. 80]. Метафоричное мировосприятие проявляется не только в художественном творчестве, но и в таких регламентированных жанрах речи, как парламентские дебаты. Примеры, найденные в процессе изучения скрипта всего лишь одной парламентской дискуссии, многочисленны [8]: *suffer a loss, transparency directive, face significant and reputational penalties, dishonest delay, delayed for good reason, off the top of my head, unbelievable degree of precision, end-to-end cost, a raft of smaller cases, burden of proof, financial instrument, the defect in the UK regime*.

Другим аспектом языка, вызывающим «неравновесное состояние сознания» у студенческой аудитории, могут стать косвенные высказывания, т. е. имплицитные речевые способы выражения смыслового сегмента в коммуникативном процессе. Функции подобных высказываний различны, например, устранение конфликтности, установление доминирования, аргументация, авторитарное воздействие, установление контакта, выражение неоднозначности суждения, связывание и компрессия информации, выражение эмоций или оценка. Другими словами, подобные высказыва-

ния – это техники языкового манипулирования, нашедшие широкое применение в рекламе, публицистике, ораторском искусстве, художественном творчестве, политике и преподавании.

Так, например, сослагательное наклонение используется в изучаемом языковом материале [5] как один из способов снятия напряжения и налаживания контакта с аудиторией: *The FSA would suspend trading if it felt that that was necessary to financial stability as a whole and – if I am correct*.

Или та же грамматическая структура, сослагательное наклонение, может быть использована для выражения вероятности последствий и прогнозирования событий: *Of course, with 10 suspensions over a 10-year period, at a rate of £10,000, and the application of a discount rate, the result would be the remarkably precise number of £93,166* [15].

Частое использование местоимения “we” приравнивает автора высказывания к собеседнику, делая его соучастником, т. е. сближает дистанцию, и, с другой стороны, поднимает статус оратора – это не только ее мнение, это и мнение ее единомышленников: *We are proposing to simplify the procedure ...; We are also clarifying the procedure ...* [5].

На уровне синтаксиса использование утвердительного и отрицательного предложения внутри одной диктемы может провоцировать имплицитивные смыслы. В нижеприведенном примере нарушение синтаксико-семантического свойства порождает парадоксальный смысл и иронию: *I thank those who contributed to the debate—and those who did not* [8].

Функция связывания и компрессии информации, эксплицируемая косвенными высказываниями, позволяет обеспечить максимальную информационную насыщенность при минимальном количестве языковых знаков. Косвенный речевой акт всегда зависим от контекста, и подразумеваемые значения, возникающие при переключении иллокутивной функции, способствуют информативности и эффекту «недосказанности» в контексте. Например: *“Let’s talk about President Vladimir Putin’s stand on the events in Kondopoga. You say you do not know what this stand is? Neither do I, and this is possibly the most important Kondopoga’s lessons”* [9]. Риторический вопрос *“You say you don’t know what this stand is?”* эксплицируется читателем как *“there are a lot of points of view on what this stand really is. But neither of them will be right as there has never been a precedent in our country, when a president announced his position clearly to the people”*. Подобная «расшировка» высказывания является одной из возможных, но очевидно, что по количеству

знаков она гораздо объемнее и менее информативна. Кроме того, вопрос, находясь между двумя смыслообразующими высказываниями, является логической связкой.

Текст как последовательность сообщений выражает последовательное развертывание мысли автора, и косвенные высказывания могут выполнять функцию поступательного процесса наращивания информации, неся дополнительные смысловые нагрузки. Речь становится эмоционально ярче. Так, например, использование “would” в приведенном ниже контексте в прагматическом смысле используется вместо вводных слов “firstly”, “secondly”, “thirdly”, но одновременно с выполнением функции вводных слов “would” имеет значение желаяния. “*But you would also expect the governor of Karelia suddenly to become a media face? Someone who makes you sick with anxious and repetitive declarations? His obvious attempts to save political fame. You would expect to see him on television? Visiting what amounts to a refugee camp in his own republic? Where the Chechen families from Kondopoga are staying. You would expect from him a flood of platitudes about tolerance? Interethnic friendship and the like. Governor Sergei Katanadov has spoken to the media – to blame the conflict alternately on Chechens and on Muscovites. And you would expect the president to make his position known. You would probably expect his position to be annoyingly general and odiously cliché-ed...*” [9].

Говоря о риторических вопросах, выражающих косвенные смыслы, хотелось бы остановиться на том, что эти вопросы предполагают не однозначный, а многозначный ответ, значит, являются транспонированной формой эмфатических утверждений: “*Don’t you get it?*” he said quietly into the camera. “*We’ve declared this war against ourselves!*” [10]. Вопросительное слово “who” в риторическом вопросе не реализует своего основного значения субъектного отношения. С прагматической точки зрения, “who” реализует семантику отрицательного местоимения “nobody”: “Who cares?”, “Who knows?”

Косвенные смыслы образуются также в результате речевого использования диктальных элементов, например, многократное повторение семы “sure”, индуцирующее семантику уверенности в тексте [5] – слова “sure”, “assure”, “ensure” употребляются в речи выступающего 10 раз в различных контекстах.

Помимо метафоричности речи и косвенных высказываний как явлений языка, вызывающих определенные сложности интерпретационной деятельности студенческой аудитории, хотелось бы остановиться

еще на одном аспекте. Интерпретация как часть процесса перевода, а перевод неизбежен хотя бы на подсознательном уровне для иноязычной аудитории – это способ ухода «на определенный глубинный уровень – смысла, содержания, абстрагируясь от поверхностных средств языкового выражения» [11, с. 76]. В случае перевода интерпретация играет более важную роль, чем собственно пословный, «идеальный» перевод [11, с. 76-77]. Помимо достаточного словарного запаса, знания грамматики языка и стилистики текстов переводческая компетенция требует умелого использования страноведческой информации. Например: *Originally only intended for large corporations, individuals can now file Chapter 11 as well* [8]. Первоначально только большие корпорации могли апеллировать к своду законов о реорганизации компании в случае банкротства, сейчас и индивидуальные предприниматели могут это сделать.

Важность контекста употребления слова тесно связана с размытостью границ между специальной и общеупотребительной лексикой и даже полисемичностью терминов, что вызвано их возможным употреблением в различных областях знания. Например, liability – финансовая ответственность, долги (в финансовых текстах) и правовая ответственность (в текстах юриспруденции). Умение разграничить первостепенные и второстепенные смысловые элементы лексической единицы, найти контекстуальные переводческие эквиваленты отражает уровень развития языковой культуры реципиента текстового сообщения.

«Ложные друзья переводчика», межязыковые омонимы (special – особенный, alternate forms – дополнительные формы, list – список) – еще одна сложность интерпретационной деятельности студента, изучающего иностранный язык. Так, студент, новичок в области финансов, может подумать, что “creative accounting” что-то вроде «созидательной бухгалтерии», однако действительное значение – «манипуляции с бухгалтерской отчетностью» (с целью скрыть или приукрасить реальное положение дел).

Лингвистические трудности переводческой практики обусловлены спецификой контактирующих языков. Лакунарность, как отсутствие регулярного соответствия, может быть следствием различий в языковых картинах мира. В результате возникают «кальки», например, creditor – кредитор, liquidity crisis – кризис ликвидности, offshore outsourcing – оффшорный аутсорсинг, т. е. единицы речи, воспроизводящие морфемный состав слова или составные части переводимого словосочетания.

Подводя итог, еще раз хочется отметить важность прагматической интерпретации в контексте обучения иностранному языку. *“There is much more to communication than the language in which it is expressed...”* [12, с. 25]. «Правила прагматической интерпретации одновременно являются и правилами ведения разговора, и теми правилами-приемами, которыми пользуется интерпретатор ... при переосмыслении высказываний...» [13, с. 372]. Общение, таким образом, сводится к получению адекватной интерпретации с последующим совершением коммуникативных действий в соответствии или в нарушение правил общения, типичных для представителей той или иной языковой культуры. Успешность межкультурного общения, таким образом, обусловлена продуктивностью интерпрета-

ционных процессов по экспликации прагматики высказывания через выявление его функциональной направленности и контекстного смысла единиц речи, а также адекватностью сравнения полученных результатов с грамматическими правилами и тезаурусом родного языка. Эти смыслообразующие факторы интерпретационной деятельности студента в изучении иностранного языка дают возможность стимулировать развитие социокультурных, прагматических, дискурсивных и переводческих компетенций в обучении и эксплицитно «единство общей и речевой деятельности» в контексте обучения через «моделирование ситуаций развития личности, проблемное обучение и стимулирование познавательной деятельности студентов» [14, с. 224].

ЛИТЕРАТУРА

1. Блох М. Я. Концепт и картина мира в философии языка // *Пространство и время*. Вып. 1. 2010. С. 37-40.
2. Тарасенко Н. Г. Место современной картины мира в разрешении проблемы формирования мировоззрения индивида на основе философии и педагогики космизма // *Бизнес. Образование. Право. Вестник волгоградского института бизнеса*. 2010, № 3 (13). С. 189-193.
3. Корнилов О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. М.: МАЛП, 1999.
4. Блох М. Я. Фактор слушающего в диалогической и монологической речи // *Вестник Нижневартовского государственного гуманитарного университета*, Выпуск 3, 2008, С. 3-5.
5. Parliament Homepage, Parliamentary Business, General Committee Debates, Session 2009-2010. URL: <http://www.publications.parliament.uk/pa/cm200910/cmgeneral/deleg7/100330/100330s01.htm>.
6. Минский М. Остроумие и логика когнитивного бессознательного // *Новое в зарубежной лингвистике*. Вып. 23. М.: Прогресс, 1988. С. 281-310.
7. Борботько В. Г. Принципы формирования дискурса: От психолингвистики к лингвосинергетике. М.: КомКнига, 2006.
8. About Credit Scores // Credit Repair Financial. URL: http://www.creditrepairfinancial.com/credit_scores.html.
9. Гессен М. Racists Step in Where Leaders Fail to Tread // *The Moscow Times*. Sep. 07 2006. URL: <http://www.themoscowtimes.com/news/article/tmt/202614.html> (дата обращения: 05. 09. 2014).
10. Гессен М. My Nationality Column // *The Moscow Times*. Sep. 07 2006. Aug. 24 2006. URL: <http://www.themoscowtimes.com/news/article/tmt/202929.html> (дата обращения: 05. 09. 2014).
11. Марчук Ю. Н. Методы моделирования перевода. М., Наука, 1985.
12. Гумовская Г. Н. LSP: English of Professional Communication: Английский язык профессионального общения. М.: 2008.
13. Демьянков В. З. Прагматические основы интерпретации высказывания // *Известия АН СССР, Серия литературы и языка*. 1981. Т. 40. № 4. С. 368-377.
14. Локтюшина Е. А. Из истории становления отечественной теории и практики языкового образования в профессиональных целях // *Бизнес. Образование. Право. Вестник волгоградского института бизнеса*. 2012. № 4 (21). С. 221-224.

Статью рекомендует д-р филол. наук, проф. Е. В. Шустрова.